

Е. А. ЗАХАРОВА

Санкт-Петербургский
государственный университет

ЮМОР В ПИСЬМАХ АПОЛЛИНАРИЯ СИДОНИЯ

Несмотря на то, что Аполлиналий Сидоний, галло-римский автор V в. н. э., был христианином и даже был избран современниками епископом, его письма, изданные при его жизни в девяти книгах, носят светский характер. Это достигается не только с помощью его постоянных обращений к литературе и мифологии классической античности, но и благодаря тому, что в письмах блестящего вельможи и деятеля церкви нашлось место юмору. В статье дана попытка обрисовать способы достижения Сидонием комического эффекта, который во многом и делает их пусть и непростым, но увлекательным чтением.

Ключевые слова: Сидоний, эпистолография, юмор, поздняя римская литература, поздняя римская Галлия.

E. A. ZAKHAROVA

St Petersburg State University

HUMOR IN THE LETTERS OF G. SOLLIUS APOLLINARIS SIDONIUS

G. S. Apollinaris Sidonius, late Roman author of Gallic provenance, was a Christian and even was elected a bishop by his contemporaries. It is interesting, that the style of his his letters, published by him in nine books, is merely secular. It becomes possible thanks to the fact that great role in his letters — the letters of educated aristocrat and consecrated priest — belongs not only to the motives of classical literature and mythology of ancient Rome, but also to humor. In the article we try to sum up the means of comism in the letters of Sidonius — the comism, which, partly, makes them to be not easy, but amusing reading.

Keywords: Sidonius, epistolography, humor, Late Roman Literature, Late Roman Gaul.

Письма Сидония Аполлинария, создававшиеся автором в расчете на их дальнейшую публикацию и относящиеся скорее к художественной прозе, чем к интимной переписке, отличаются как довольно часто встречающейся лексической и синтаксической усложненностью, так и разнообразием тем, и даже стилей, в них представленных.

Возникает впечатление, что Сидоний пытается сочетать трудносочетаемое — языческую мифологию и повсеместно уже в V в. распространившееся в Галлии христианство, доверительный тон частной беседы и риторические фигуры ораторской прозы. Приняв сан епископа, он все больше пишет письма другим церковным иерархам, видно, что он и сам ревностно служил интересам церкви, но при этом собственно христианских, апологетических или теологических рассуждений мы у него не найдем. Зато иногда, хотя и не слишком часто, мы можем встретить юмор, который украшает его прозу и помогает поучениям не стать скучными, описаниям проступков не превратиться в осуждение их, а в случае рассказа о неприятностях позволяет не сбиться на унылый тон. Еще С. В. Ешевский, которого можно назвать первым исследователем Сидония в русской филологической науке, особо отмечает присущую этому автору «непринужденную веселость, остроумие, блестящее весьма часто» [Ешевский, 1870, с. 13].

Даже в письмах, посвященных сложным политическим интригам, можно найти шутку. Когда в 467 г. всемогущий «делатель королей» Рицимер сделал правителем Рима Антемия, Сидоний поехал из Галлии в Рим для налаживания контактов с новым императором и приехал в вечный город во время бракосочетания дочери Антемия и Рицимера. Суету, вызванную этим событием он называет «*occupatissima vacatio*» (Sid. Ep. I, 5, 11) — можно попробовать перевести это как «весьма наполненное хлопотами свободное время». Комментатор первой книги писем Сидония Хельга Кёлер проводит параллель оксюморона Сидония с выражением из писем Плиния о цирковых зрелищах «*otiosissimae occupationes*» (Plin. Ep. IX. 6.4) [Köhler, 1995, p. 215].

В том же письме Сидоний рассказывает и о неприятностях, постигших его, однако делает это также в шутливой манере: по доро-

ге в Рим он заболел лихорадкой, однако его рассказ об этом, благодаря выразительной гиперболе, оказался полон не жалоб, а самоиронии: он был готов выпить воду не только из водопроводных труб, но даже из бассейнов для навмахий: «inter haec patuit et Roma conspectui; cuius mihi non solum formas verum etiam naumachias videbar epotaturus» (Sid. Ep. I, 5, 9).

Самоирония встречается в письмах Сидония не раз. Очень частый мотив — извинения за многословие, которое наш автор называет или «garrulitas», или «loquacitas». В письме своему родственнику Аполлинарию он пишет «Par erat quidem garrulitatem nostram silentii vestri talione frenari» (Sid. Ep. V, 3, 1 — «справедливо же было обуздать мою болтовню наказанием твоего молчания»). Оттенок комизма придает этой фразе слово *talio* — ‘наказание’, юридический термин, встречавшийся еще в законах 12 таблиц («Si membrum rup<s>it, ni cum eo pacit, talio esto», Tab. VIII).

В обществе, где жил Сидоний, ирония над собой была явно признаком хорошего тона: еще в одном письме по поводу все той же поездки в Рим к Антемию, сообщая адресату о неожиданно удачном повороте дела — после произнесения панегирика новому императору Сидоний не только оказался милостиво принят, но и получил должность префекта Рима, он шутит по поводу удачно сложившихся обстоятельств: «praefecturam sub ore Christi stili occasione pervenerim» (Sid. Ep. I, 9, 8 — «я достиг префектуры с божьей помощью росчерком пера»). Свежеиспеченный префект, для которого даже продвижение по лестнице политической карьеры стало результатом литературной игры, сравнивает себя с хвастливым воином Плавта: «volo paginam glorioso id est quasi Thrasoniano fine concludere Plautini Pyrgopolinici imitator» (Sid. Ep. I, 9, 10 — «я, подражатель Плавтова Пиргополиника, хочу закончить письмо на хвастливый манер»).

Упоминание Плавта — это не единственное упоминание комедиографов: известно, что Сидоний читал с сыном «Свекровь» Теренция и, как аргумент в пользу того, что он все же читал по-гречески, можно рассматривать его слова, что сам он, во время чтения с сыном, держал в руках «Третейский суд» Менандра: «ipse etiam fabulam similis argumenti id est Epitrepontem Menandri in ma-

nibus habebam» (Sid. Ep. IV, 12, 1). Мы понимаем, что умение ценить хорошую шутку было так же важно для классического воспитания в семье знатного галло-римлянина в V в., как и знание мифологии.

Сидонию выпало достигнуть вершин не только в светском пути почестей. Свое избрание епископом в более позднее время Сидоний тоже склонен обыгрывать: в письме одному из коллег-епископов, используя весьма изящный хиазм, он называет себя «*novus clericus, peccator antiquus*» (Sid. 9, 2, 3).

Важной темой для писем Сидония было побуждение знатных друзей предпочесть принятие активного участия в политической жизни Галлии тихой жизни в отдаленном поместье. Одним из способов повлиять на их мнение, видимо, также была шутка: «*et nunc, pro pudor, si relinquere inter busequas rusticanos subulcosque ronchantes*» (Sid. Ep. I, 6, 3 — «и вот, о стыд, если ты останешься среди деревенщин-пастухов и всхрапывающих быков!»). Риторическое восклицание «о, стыд!» — как будто произносится обвинительная речь по поводу серьезного преступления — делает дружеский упрек шуточным.

Сидоний обыгрывает обвинительную речь еще в одном письме на ту же тему, обращенном к его родственнику и другу Сиagriю: «*Dic, Gallicanae flos iuventutis, quousque tandem ruralium operum negotiosus urbana fastidis?*» (Sid. Ep. VII, 8, 1 — «Скажи, цвет галльской молодежи, до каких пор, занятый сельскими трудами, ты пренебрегаешь городскими?»).

Конечно, Сидоний обыгрывает хрестоматийно известную речь против Катилины — то, на чем они с Сиagriем воспитывались. Обыгрывает он и панегирический стиль, к которому он был так привычен — ведь Сидоний был автором панегириков трем римским императорам, по очереди, пусть и слишком быстро, сменявшим друг друга на престоле Западной Римской империи, а также панегирика вестготскому вождю Эвриху, в 475 г. захватившему Арверны и несколько месяцев содержавшему Сидония под стражей в крепости Ливия. Еще в одном письме к тому же Сиagriю — который, видимо, не был склонен менять свою жизнь, хотя его друг настойчиво ему советовал это сделать — наш автор называет его

«новым Солоном Бургундов в разъяснении законов и новым Амфионом в игре на кифаре» («*novus Burgundionum Solon in legibus disserendis, novus Amphion in citharis ... temperandis*»). Эту цитату приводит в своей просопографии К. Ф. Штроекер [Stroheker, 1970, S. 221], однако он относится к ней как к высокой оценке способностей Сиагрия, а мы бы хотели отметить еще и комизм такого «титула». Шутки между друзьями были явно приняты в окружении Сидония, так как он пишет: «Нельзя даже представить, какой смех вызывает у меня и прочих, когда я слышу, что в твоём присутствии варвар боится в своём языке допустить варваризм» («*aestimari minime potest, quanto mihi ceterisque sit risui, quotiens audio, quod te praesente formidet linguae suae facere barbarus barbarismum*», Sid. Ep. V, 5, 3).

Приглашая одного из друзей — преподавателя риторики Домиция — приехать к нему в поместье, Сидоний с пародийной торжественностью описывает его занятия и его учеников: «*discipulis non aestu minus quam timore pallentibus exponere oscitabundus ordiris: 'Samia mihi mater fuit'*» (Sid. Ep. II, 2, 2 — «ученикам, не менее бледным от жары, чем от страха, ты, зевая, начинаешь излагать: „Моя мать была с Самоса...“», Ter. Eun. I, 2, 27). Приглашение содержит и забавную игру слов: Сидоний просит друга «милостивейшим приездом обмануть немилосердную жару» — «*clementissimo recessu inclementiam canicularem*». Судя по пародийно описанному Сидонием страху учеников, учитель будет милостив не только к хозяину дома, к которому он согласится приехать, но, прежде всего, к ним.

Сидоний весьма снисходителен к людям своего круга, даже если они совершили серьезные проступки: описывая судебный процесс над галльским аристократом Арвандом (Sid. Ep. I, 7), над которым велся суд за незаконные переговоры с вестготами, Сидоний не выражает резкого осуждения: он называет подсудимого «*teus poster*», а поведение его описывает с грустной иронией: Арванд был вызван на суд в Рим, причем обвинителями его были влиятельные галльские аристократы; они явились на суд в трауре, в то время как Арванд пришел в белых одеждах: «*albatus*» и даже больше — его тело было обработано пемзой от лишних волос («*pumicatus*»),

что было присуще в то время скорее представлениям о восточной роскоши (в другом письме (Sid. Ep. VIII, 3, 5) такой эпитет получают сатрапы восточных царей). Сидоний описывает его глупое поведение, доходящее до абсурда в своей нелепости: идя на суд, где против него есть неопровержимые доказательства, он не только отвечает на лстивые приветствия, но и приценивается к шелкам и драгоценным камням в торговых рядах, и даже торгуется, как если бы собирался их купить.

С комичным преувеличением описывается и грубая реакция Арванда на уговоры друзей не говорить лишнего на суде. Он отвечает им: «*‘abite, degeneres’, inquit, ‘et praefectoriis patribus indigni’*» (Sid. Ep. I, 7, 7 — «Отойдите, выродившиеся и недостойные отцовских префектур»). С помощью гипербол Сидоний создает образ человека, потерявшего ощущение реальности, уверенного в своей безнаказанности. Грустная ирония позволяет ему избежать прямого осуждения человека из своего круга и выразить ему своеобразное сочувствие.

А вот еще один чиновник, способствовавший усилению власти вестготов в Галлии, однако не принадлежащий к тому же обществу, — Серонат — вызывает у него открытую ненависть. Сидоний пишет на него инвективу, в которой описываются его пороки, однако юмора, шуток в ней нет, лишь гиперболизированные обвинения: даже его уши названы слоновьими: «*gerit et aures immanitate barrinas*» (Sid. Ep. III, 13, 5) — итальянская исследовательница Сидония Изабелла Гваландри приводит параллель с анонимным сочинением по физиогномии IV в. н. э., с которым Сидоний мог быть знаком, где говорится, что большие уши — свидетельство недалекого ума («*magnae aures stultitiae vel impudentiae sunt indices*», Anon. de Phys. 45) [Gualandri, 1979, p. 58–59], а о внешности Сероната в целом Сидоний отзывался так: тот ужаснее трупа, предназначенного для сожжения: «*deformior cadavere rogalis*» (Sid. Ep. III, 13, 5).

Будучи епископом, Сидоний также прибегал к юмору для решения весьма сложных дел: так, изложив историю женитьбы одного предприимчивого юнца, который уехал из дома без отцовского согласия, на девушке из богатого аристократического рода, он не прямо осуждает «грешника», а называет историю его приключе-

ний «милетским рассказом» (Sid. Ep. VII. 2. 9), что показывает его отношение к тому, что иск «de repetundis», который начала мать новобрачной, слишком серьезен, и что юноша не преступен, а легкомыслен.

Несколько раз в письмах Сидония обыгрываются подробности литературной жизни современной ему Галлии. В той аристократической среде, где он жил, явно присутствовала литературная игра и склонность к изящной шутке. В письме из пятой книги, где сначала он описывает церковный праздник, затем рассказывается о своеобразной литературной дуэли: старший друг Сидония Филиматий попросил его сочинить четверостишие и на просьбу о некотором уединении ответил: «как бы Аполлон не был разгневан, что его воспитанниц ты один приглашаешь в укромные местечки». Галантный тон разговора вызвал аплодисменты присутствующих, которые, как и главные герои истории, прибыли на торжественное христианское празднество: «*vide, domine Solli, ne magis Apollo forte moveatur, quod suas alumnas solus ad secreta sollicitas. iam potes nosse, quem plausum sententia tam repentina, tam lepida commoverit*» (Sid. Ep. V, 7, 19).

Литература запросто могла вмешаться в политику: знаменитое письмо Сидония, в котором описывался пир в Лионе у императора Майориана, содержит диалог по поводу анонимной сатиры на Пеония, политического противника Сидония, написанный в стиле «*arte dictum*» — «я слышал, что ты пишешь сатиры» — «и я об этом слышу, мой господин» («*audio*», ait, «*comes Sidoni, quod satiram scribas.*» «*et ego*», inquam, «*hoc audio, domine princeps*»), Sid. Ep. I, 11, 8). Адресата наверняка позабавил наигранно наивный ответ Сидония, в котором он в любом случае не сказал неправду. А блестящий (по меркам эпохи, конечно) экспромт против ложных обвинителей, вставленный в текст письма, завершает впечатление небольшого триумфа нашего автора — остроумного вельможи и прекрасного рассказчика.

Важность для Сидония литературной игры показывает и письмо, посвященное смерти ритора Лампридия (Sid. Ep. VIII, 11, 3): как бы на наш современный взгляд ни показалось странным, он помещает в грустное письмо шуточное стихотворное послание, сочи-

ненное им прежде для Лампридия, рассказав, кстати, собеседнику о том, что он называл Лампридия Орфеем, а тот его — Фебом. В стихотворении Феб отправляет Талию известить друзей Сидония о его приезде, причем муза комедии при встрече с епископом Галлицином должна, как полагается, поцеловать руку духовного лица. Сидоний обыгрывает имя одного из своих друзей Рустика, называя его «деревенским только по имени» («*solo nomine Rusticum*», Sid. Ep. VIII, 11, 3). В другом стихотворении он, кстати, обыгрывает африканское происхождение друга Домнула, называя его «*vafer vaferque Domnulus*» (Sid. Ep. IX, 15, 1; *vafer* — ‘плут’). В шуточной форме автор представляет, что будет, если друзья откажут ему в приеме: он направится в таверну и будет там, в веселой компании случайных знакомых, под воздействием вина, исполнять свои песни. Естественно, картина кутежа экс-префекта Рима и епископа в таверне не могла не вызвать смеха у богатых галло-римских магнатов. Сидоний, как всегда, крайне самоироничен: о толпе посетителей таверны он говорит, что будет еще большим варваром, чем они (Sid. Ep. VIII, 9, 3).

Итак, каким целям служил юмор в письмах Сидония и какими средствами достигался? Сомневаться в разнообразии средств не приходится, ведь мы уже встретились с примерами гипербол, иронии, оксюморонов, часто встречаются сочетание несочетаемого, да и просто забавные образы. Возможно, наш автор считал, что письмом он должен развлечь собеседника или, если сообщаются неприятные вести, смягчить их. Одно из писем очень четко делится на две части: в первой легкая болтовня и шутки, а после фразы: «*exsertis iocis*» (Sid. Ep. VIII, 6, 13 — «кроме шуток») — известное сообщение о нападении саксонских пиратов. Юмор позволял устанавливать общение с людьми своего круга на одной волне, вести с образованными современниками своеобразную «игру в классическую античность». Аристократы, увлеченные литературой, действительно называли друг друга Гомерами, Горациями, Вергилиями. Как остроумно написал известный исследователь этого периода Р. Матисен, «*no shrinking violets here*» [Mathisen, 1988, p. 48] — «без ложной скромности». В классической культуре удачная шутка — признак острого ума, в христианской культуре шутить сложнее —

мы помним, что даже муза, придя к епископу, должна поцеловать его руку. Несмотря на то, что Лампридий, а возможно и прочие друзья, называли его Фебом, в сопоставлении с христианскими писателями — Иеронимом, Оригеном, Августином — в письме к священнику Евфронию он сравнивает себя, в своей шутливой манере, с хриплыми гусями («anseri ravi») и дерзкими воробьями («passe-res improbi») (Sid. Ep. 9, 2, 3).

Конечно, шуток гораздо больше в первой книге, чем в остальных. В ней больше влияния представителей классической римской эпистолографии Плиния и Цицерона, в письмах которых непринужденности и склонности шутить, конечно, гораздо больше, чем в письмах современников Сидония, чьи письма выдержаны совсем в другом стиле и посвящены темам, подчас весьма далеким от светской, мирской жизни. У его старшего современника и друга епископа Фавста из Риеца в письмах содержатся богословские рассуждения: представления об ангелах, осуждение арианской ереси с аргументированным оспариванием отдельных положений, у его младшего друга Руриция из Лиможа тоже множество мыслей о христианстве и нередко письма похожи на эссе на теологическую тему с аргументами из Писания. Поэтому о юморе в письмах Сидония интересно говорить не потому, что он часто встречается — как раз для почти полутора сотен писем количество примеров не может быть названо многочисленным, а потому, что это становится необычно для писем в V в. «Nova ibi verba, quia vetusta» (Sid. Ep. IV, 3, 3) — так, обыгрывая фразу, приписываемую Тертуллиану, Сидоний отозвался о книге своего друга, видного христианского философа Клавдиана Мамерта, но и его письма отличаются от писем его современников тем, что в них видна гораздо большая склонность следовать традициям классической античности, чем образцам более поздней христианской литературы.

ЛИТЕРАТУРА

Ешевский С. В. Аполлинарий Сидоний : Эпизод из литературной и политической истории Галлии V века // Соч. С. В. Ешевского. Ч. III. М. : Изд-е К. Солдатенкова, 1870.

Gualandri I. Furtiva Lectio : Studi di Sidonio Appolinare. Milano : Cisalpino-Goliardica, 1979.

- Köhler H. C.* Sollius Apollinaris Sidonius. Briefe. Buch 1. Heidelberg : Universitätsverlag C. Winter, 1995.
- Mathisen R. W.* The Theme of Literary Decline in Late Roman Gaul // *Classical Philology*. 1988. Vol. 83. № 1. P. 45–52.
- Stroheker K. F.* Der Senatorische Adel im Spätantike Gallien. Darmstadt : Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1970.

REFERENCES

- Eshevskiy S.V. Apollinariy Sidoniy: Epizod iz literaturnoy i politicheskoy istorii Gallii V veka [Sidonius Apollinaris: An episode from literary and political history of the Vth century Gaul]. In: *Sochineniya S.V. Eshevskogo* [Works of S.V. Eshevsky]. Ch. III. Moscow, K. Soldatenkov Publ., 1870.
- Gualandri I. *Furtiva Lectio: Studi di Sidonio Appolinare*. Milano, Cisalpino-Goliardica, 1979.
- Köhler H.C. Sollius Apollinaris Sidonius. *Briefe*. Buch 1. Heidelberg, Universitätsverlag C. Winter, 1995.
- Mathisen R.W. The Theme of Literary Decline in Late Roman Gaul. *Classical Philology*. 1988. Vol. 83. № 1. Pp. 45–52.
- Stroheker K.F. *Der Senatorische Adel im Spätantike Gallien*. Darmstadt, Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1970.

Захарова Екатерина Анатольевна

старший преподаватель

Санкт-Петербургского государственного
университета

E-mail: asyndeton7@yandex.ru
e.zakharova@spbu.ru